

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2020.90.71.053

Оценка допустимости доказательств, полученных в рамках международного сотрудничества

Круглова Дина Вадимовна

Начальник отдела дознания,
Нижегородское линейное управление МВД России на транспорте,
603002, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Луначарского, д. 7;
e-mail: kruglova.dv@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о допустимости доказательств, которые были получены в результате производства следственных действий на территории иностранных государств в рамках запроса о правовой помощи. Оценка каждого конкретного доказательства по основаниям допустимости или недопустимости решается в каждом деле обособленно. Отдельно следует отметить, что устоявшаяся в отечественном процессе практика оценивания доказательств на предмет их допустимости в определенном своем аспекте не соответствует балансу или паритету сторон защиты и обвинения, умаляя возможности претворения в жизнь состязательного судопроизводства. МУС обязан быть беспристрастным органом международной юстиции, обеспечение права на защиту никак не конфликтует с интересами членов данного суда, так как они (ни в силу каких-либо психологических предпосылок, ни в силу традиции внутригосударственного правоприменения) не склоняются к стороне обвинения, следовательно обозначенное положение является нечто большим, нежели простой декларативной нормой, существующей для имитации демократического процесса.

Для цитирования в научных исследованиях

Круглова Д.В. Оценка допустимости доказательств, полученных в рамках международного сотрудничества // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 6А. С. 158-166. DOI: 10.34670/AR.2020.90.71.053

Ключевые слова

Уголовный процесс, доказывание, оценка доказательств, допустимость доказательств.

Введение

В настоящее время вопрос о признании тех или иных доказательств допустимыми либо приобрел особую актуальность, которая обсуждается как на национальном уровне, так и на международной площадке. Вопрос о такого рода признании достаточно тесно связан как с правом на справедливое судебное разбирательство, так и с презумпцией невиновности. Общее правило заключается в том, что доказательства, полученные ненадлежащим или противоправным образом, не могут приниматься во внимание при рассмотрении дела в суде.

При этом нужно исходить из того, что оценка каждого конкретного доказательства по основаниям допустимости или недопустимости решается в каждом деле обособленно. Отдельно следует отметить, что устоявшаяся в отечественном процессе практика оценивания доказательств на предмет их допустимости в определенном своем аспекте не соответствует балансу или паритету сторон защиты и обвинения, умаляя возможности претворения в жизнь состязательного судопроизводства. Речь идет, естественно, о том, что в большей мере на предмет допустимости проверяются доказательства, предоставляемые стороной обвинения, в то время как при оценке доказательств оправдательного характера предполагается, что защита имеет право на применение всех своих возможностей. Это, своего рода, парадокс, именованный А.М. Лариным и Ю.И. Стецовским *«асимметрией правил допустимости доказательств»* [Стецовский, Ларин, 1988, 303], суть которого достаточно наглядно изложена в работе Е.А. Карякина, предлагавшего в этой связи корректировку п.2 ст. 50 Конституции РФ следующего содержания: *«При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона, за исключением случаев установленных федеральным законом»* [Корякин, 2017, 36].

В.М. Савицким делается вывод, сама постановка вопроса о допустимости предоставленного доказательства осуществляется исключительно при условии, что к нему обращаются для подтверждения вины в совершенном преступлении и вынесении обвинительного решения. В то же время, когда несоответствующие требованиям закона доказательства используются для аргументации невиновности подверженного преследованию лица, либо при отстаивании меньшей виновности (степени общественной опасности), то такие доказательства все равно должны быть приняты во внимание следствием, прокуратурой и судом, так как в данном случае доказывания как такового и нет: *«ибо эти доказательства не доказывают ничего нового, кроме того, что само по себе не требует доказательств - невиновности обвиняемого»* [Савицкий, 1994, 184].

Вполне обоснованным видим суждение, что поиск возможностей по устранению локальных противоречий, фигурирующих в процессуальной отрасли на национальном уровне, следует искать в международном опыте.

Международный стандарт допустимости

Исследуя проблематику международного стандарта допустимости, следует обращать внимание, что исходной точкой таких стандартов в большинстве своем является тематика недопущения при собирании доказательственной базы бесчеловечного обращения с задержанными и заключенными под стражу лицами. Особое значение в этом вопросе приобретают европейские стандарты, формирующиеся на основе практики Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В дополнение к этому отдельного упоминания, на наш

взгляд, заслуживает Европейская конвенция «О защите прав человека и основных свобод», часто играющая определяющее значение для указанной международной судебной практики, а равно влияющая на национальное правоприменение, в том числе и отечественное, поскольку она была подписана и Российской Федерацией, таким образом, принимаемые ЕСПЧ документы образуют международные обязательства для России.

Здесь необходимо отметить, что в связи с внесением в 2020 году поправок в Конституцию РФ по инициативе президента страны В.В. Путина предполагается, что впредь приоритетное значение будет отдаваться национальному законодательству. Но вместе с тем, это не вступает в противоречия к вопросу о следовании предписаниям ЕСПЧ, так как последние как раз отвечают интересам нашей страны, позволяя, во-первых, гармонизировать законодательство государств-участников международных соглашений, во-вторых, говорить о «настоящей» демократизации и состязательности отечественного судопроизводства благодаря независимому контролю процессуальной реформы извне, что поспособствует объективному выявлению закономерностей, обнажающих проблемные моменты в российской процессуальной отрасли. Нормы, вытекающие из международно-правых договоров, опираются на так называемое международное «общее право», согласно которому, основное его предписание согласуется с всеобщим интересом подписавших акт государств.

Кроме того, это и некоторый внешний гарант, создающий условия, когда нарушение декларируемых прав человека выносятся на обсуждение международного уровня, и мы не думаем, что усиление контроля в этом направлении посредством международного сотрудничества как-то не соответствует нашим национальным интересам, скорее наоборот. ЕСПЧ превращается в средство обеспечения процедур принятия правосудных решений. Точка зрения ЕСПЧ предметно вопроса о его полномочиях содержится в официальных документах, им принимаемых. Деятельность по защите прав и свобод человека составляет одно из наиболее приоритетных направлений деятельности данного международного органа. Однако, для соблюдения достоверности необходимым считаем отметить и то, что Европейская конвенция по правам человека не содержит в себе положений, к которым мы могли бы апеллировать для аргументации инициативы расширения прав стороны защиты в вопросе депонирования доказательств.

В этом смысле, первостепенный документ, на основании которого ЕСПЧ осуществляет свою деятельность, схож и даже соответствует нашему процессуальному законодательству, так как содержание ст. 5 названной Конвенции никак не предполагает, что гарантирование права на защиту означает ограничение государств в вопросе определения и установления нормативных средств, регламентирующих порядок реализации данного права. Вопрос же о допустимости/недопустимости доказательств рассматриваемый международный орган отнес к ведению национальной уголовной политики. За исключением, пожалуй, аспектов, имеющих место при констатации того, что то или иное доказательство (показания, в частности) были даны под пыткой, поскольку оно вступало бы в прямое противоречие с предписанием ст. 3 Конвенции, гласящей, что *«никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию»*. Такие доказательства являются «безусловно недопустимыми», равно как и показания полученные при допросе без доступа лица к услугам адвоката [Трубникова, 2016, 139].

В иных обстоятельствах ЕСПЧ не считает, что такого рода ограничение процессуальных полномочий действует в ущерб принципам состязательности и равноправия сторон, к чему мы, конечно, не относимся положительно. Такое обстоятельство, следующее из международного

права, следовало бы, скорее, интерпретировать критически, равно как и УПК РФ, учитывая, что два этих документа не вступают в противоречия по упомянутому вопросу. Таким образом, относительно тематики оценивания допустимости доказательств ЕСПЧ опирается, в основном, на государственную нормативно-правовую базу, следовательно, в его представлении именно национальные суды осуществляют оценку собранных и представленных доказательств через призму допустимости.

Оценка допустимости доказательств в рамках международного сотрудничества

Вопрос о допустимости доказательств, собранных в трансграничном контексте, давно существует как в Европейском союзе, так и в контексте сотрудничества Совета Европы по уголовным делам [Derauw, 2016]. Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года (часто называемая «материнским договором»), которая первоначально была единственной правовой основой для взаимной правовой помощи между государствами-членами ЕС (Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 года), опиралась на принцип *locum regit actum* (статья 3), согласно которому любые положения являются обязательными. Относящиеся к уголовному делу обращения должны быть исполнены запрашиваемой стороной в порядке, предусмотренном ее собственным законодательством. Другими словами, принцип «*locum regit actum*» предполагает, что решающим элементом в определении применимого права является местонахождение доказательств или места производства следственной процедуры. Однако эта концепция неспособна преодолеть различия между национальными процедурами, в результате чего иногда информация, собранная в запрашиваемом государстве-члене, не может использоваться в запрашивающем государстве, поскольку способ, которым информация была получена в первом, не соответствует требованию допустимости, определенному в национальном процессуальном законодательстве последнего [Vermeulen, Bondt, Van Damme, 2010]. Поэтому для того, чтобы максимально увеличить процессуальный потенциал доказательств, собранных за границей, придать им допустимость, в мае 2000 г. Советом ЕС принята новая Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами Европейского союза. Данный международный правовой акт обеспечивает новый подход к обозначенному выше принципу как «*forum regit actum*» (статья 4 Конвенции 2000 года). Согласно этому принципу, запрашиваемое государство-участник, которое выполняет запрос, должно учитывать формальности и процедурный порядок, указанный запрашивающим государством-участником. Слова «формальности и процедуры» следует толковать в широком смысле, включая, например, ситуацию, когда запрос указывает на то, что представителю судебных органов запрашивающего государства-участника или представителю защиты должно быть разрешено присутствовать на взятии показаний от свидетеля. Из-за бремени, которое может быть возложено на запрашиваемую страну-участницу, запрашивающее государство-участник должно участвовать только в тех формальностях и процедурах, которые необходимы для его расследований. Запрашиваемое государство может отказать в выполнении или участии в выполнении полагаемых процессуальных действий только в том случае, если они противоречат его основополагающим правовым принципам или если в самой Конвенции прямо указано, что исполнение запросов регулируется законодательством запрашиваемого государства-участника.

Однако, идея взаимной допустимости доказательств стала более желательной, чем

реалистичной концепцией. Прежде всего, различия между государствами-участниками в области сбора доказательств все еще существуют в разных правовых системах и подходах к доказательственным вопросам. Это может привести к ситуациям, когда, с учетом различий между национальными процессуальными процедурами, доказательства, собранные в одном государстве-участнике, не будут допустимы в другом государстве-участнике, поскольку способ получения информации не соответствует национальным процессуальным требованиям последнего. Следовательно, эти различия могут оказать негативное влияние на сотрудничество между государствами-членами, вызвать вопросы относительно статуса доказательств, собранных в ходе транснационального сотрудничества ЕС, и сделать концепцию взаимной допустимости доказательств просто нереализуемой. Во-вторых, сомнительно, соответствует ли принцип «*forum regit actum*» «философии взаимного признания» [Spencer, 2003, 29]. В научной литературе сообщалось о таком концептуальном недостатке и слабости функционирования по принципу «*forum regit actum*» как то, что он применяется, фактически, только в двусторонних отношениях и не имеет потенциала для обеспечения единообразия допустимости на всей территории ЕС. В положительном ключе отмечаем то, что Договор о функционировании Европейского союза (далее ТФЕУ) предложил альтернативу форуму *regit actum*, открывая возможность принятия минимальных правил, касающихся, среди прочего, взаимной допустимости доказательств. Так, интересующие нас положения содержатся в главе 4 данного международного акта (судебное сотрудничество по уголовным делам). В частности, достаточно репрезентативно в разрезе исследуемой проблемы содержание ч. 2 ст. 82 ТФЕУ, где зафиксировано следующее:

«В той степени, в которой это необходимо для облегчения взаимного признания приговоров и судебных решений, а также полицейского и судебного сотрудничества по уголовным делам с трансграничными масштабами, Европейский Парламент и Совет ЕС посредством директив, принятых в соответствии с обычной законодательной процедурой, могут устанавливать минимальные правила. Такие правила должны учитывать различия между правовыми традициями и системами государств-членов ЕС.»

Они затрагивают:

а) взаимную допустимость доказательств между государствами-членами ЕС...». Данные правила означают, что в контексте сотрудничества государств ЕС в уголовных делах доказательства должны будут собираться в соответствии с общепринятыми минимальными стандартами. Несмотря на ч. 2 ст. 82 ТФЕУ и вышеупомянутые программные документы, ЕС не предпринял никаких шагов вперед и по-прежнему действует, исходя из предположения о внутренней несовместимости национальных правил сбора доказательств и, соответственно, концепции взаимной допустимости доказательств. Достижение общих минимальных стандартов ЕС потребует сбалансированного поиска и преодоления национальных различий, принятия факта международного процессуального разнообразия. Поскольку эти стандарты должны быть «минимальными», они должны основываться или, по крайней мере, разрабатываться в соответствии с общими фундаментальными правами и нормами, разработанными Европейским судом по правам человека в Страсбурге. По той же причине государства-члены смогут расширить эти стандарты, чтобы обеспечить более высокий уровень защиты. Тем не менее, взаимное признание доказательств по всему ЕС будет достигаться путем соблюдения общепринятого минимума, независимо от обновленных внутренних правил.

Не менее интересный регламентационный опыт, с исследовательской стороны, мы можем наблюдать в ином органе – в Международном уголовном суде (далее – МУС). Распоряжением

Президента РФ от 16 ноября 2016 года Россия вышла из соответствующего договора и отказала в ратификации Римского статута, которую мировое сообщество ждало на протяжении 16 лет, к чему мы не можем отнестись однозначно положительно или негативно. На официальном сайте леволиберального британского периодического издания «The Guardian» 16 ноября 2016 года корреспондентами названной газеты Шоном Уолкером и Оуэном Боукоттом была размещена статья, носящая, в переводе на русский, следующее заглавие «Россия отзывает подпись под уставом международного уголовного суда: по словам Москвы, трибунал не оправдал надежд международного сообщества на следующий день после доклада МУС об аннексии Крыма». В статье содержится следующее высказывание: «...отказ от трибунала, хотя и символический, является новым ударом по усилиям по установлению глобального правопорядка для геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности». Несмотря на свой декламационный характер, продемонстрированное высказывание, весьма вероятно, не является безосновательным, голословным, но раскрывающим довольно тревожную транснациональную проблематику, имеющую тенденцию развития в связи с умалением легитимности международных организаций, подобных МУС.

Заключение

Вопрос о целесообразности расторжения международного сотрудничества в рамках названной структуры до сих пор обсуждается в научном сообществе, которое так и не пришло к какому-то единогласному мнению [Лазутин, 2018, 5]. Тем не менее, ратификация и имплементация имеющихся в подчеркнутом статуте положений могли бы выступить неким дополнительным гарантом и контролем в контексте исполнения РФ соответствующих декларативных положений, которые хоть и содержатся в своем самобытном виде в УПК РФ, в условиях международного контроля применение их могло бы быть значительно менее произвольным. Как пример, примем ко вниманию ст. 69 (доказательства) Римского статута МУС, на которую неоднократно ссылается сам данный документ во многих других своих нормативных предписаниях. В ч. 4 этой статьи и ч. 9 ст. 64 сказано, что Судебная палата МУС наделена правом выносить решение допустимости и относимости всех доказательств, в том числе обращая внимание на то, будет ли их учет действовать в ущерб справедливости как оценки показаний свидетелей, так и всего судебного разбирательства в целом. В ч. 3 так же пояснено, что обе стороны имеют право в соответствии со ст. 64 предоставлять в МУС относящиеся к делу доказательства, что, кстати, отсылает нас к тематике депонирования доказательств стороной защиты как способа обеспечения состязательности судопроизводства. В ч. 6 ст. 64 и закреплено, что Судебная палата МУС дает распоряжения, касающиеся предоставления дополнительных, относительно уже собранных и предъявленных сторонами, доказательств, обеспечивает при необходимости защиту обвиняемого.

Учитывая, что МУС обязан быть беспристрастным органом международной юстиции, обеспечение права на защиту никак не конфликтует с интересами членов данного суда, так как они (ни в силу каких-либо психологических предпосылок, ни в силу традиции внутригосударственного правоприменения) не склоняются к стороне обвинения, следовательно обозначенное положение является нечто большим, нежели простой декларативной нормой, существующей для имитации демократического процесса. В ч. 4 ст. 56 напрямую сказано, что допустимость доказательств определяется в соответствии со ст. 69, при этом их доказательственная ценность определяется Судебной палатой МУС. Ответ на вопрос о том, что

МУС усматривает в качестве стандарта такой допустимости, содержится в ч. 7 ст. 69 вышеназванного статута.

По смыслу этого международного юридического положения доказательства не признаются допустимыми в процессуальной деятельности МУСа в следующих обстоятельствах:

- когда допущено нарушение, создающее основания для серьезных сомнений в достоверности полученных доказательств;
- если признание доказательств допустимыми несовместимо с добросовестным разбирательством и нанесло бы этой процедуре существенный вред.

Особо важным считаем отметить, что в качестве следующего положения в ст. 69 изложено, что при разрешении вопроса о допустимости доказательства, собранного и представленного государством, МУС *«не должен выносить решения относительно применения национального законодательства этого государства»*.

Библиография

1. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/С 202/01). Консолидированная версия. Часть третья. Политика и внутренняя деятельность Европейского Союза. URL: <https://base.garant.ru/71715364/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Европейская конвенция по правам человека с изменениями, внесенными в соответствии с положениями Протокола № 14 (СДСЕ № 194), Протокола № 3 (СТЕ № 45), протокола № 5 (СТЕ № 55) и Протокола № 8 (СТЕ № 118). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 10.06.2020)
3. Карякин Е.А. Асимметрия правил о допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве как форма реализации положения о благоприятствовании защите // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 33-36.
4. Лазутин Л.А. Статут Международного уголовного суда и Конституция Российской Федерации: грани несоответствия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 6. С. 5-10.
5. О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: распоряжение Президента Рос. Федерации от 16.11.2016 № 361-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 47. Ст. 6630.
6. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года. Статут вступил в силу 1 июля 2002 года. URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 10.06.2020).
7. Савицкий В.М. Последние изменения в УПК: продолжение демократизации судопроизводства (вступительная статья к УПК РСФСР) // УПК РСФСР, УПК РСФСР. М., 1994.
8. Стецовский Ю.И., Ларина А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М.: Юрид. лит., 1988.
9. Трубникова Т.В. Проблемы доказывания в справедливом судебном разбирательстве и их отражение в правовых позициях ЕСПЧ: вызовы для российской науки уголовного процесса и правоприменительной практики // Уголовная юстиция. 2016. №1(7). С. 135-147.
10. Derauw S. A European Evidence (Air)Space? Taking Cross-Border Legal Admissibility of Forensic Evidence to a Higher Level. EuCLR Vol. 6, 1/2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/301798545_A_European_Evidence_AirSpace_Taking_Cross-Border_Legal_Admissibility_of_Forensic_Evidence_to_a_Higher_Level (дата обращения: 10.06.2020).
11. Russia withdraws signature from international criminal court statute. The Guardian. 16 Nov 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/16/russia-withdraws-signature-from-international-criminal-court-statute> (дата обращения: 11.06.2020).
12. Spencer J.R. The concept of “European evidence”. ERA Forum 4. 2003. 29–38. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12027-003-0005-2> (дата обращения: 10.06.2020).
13. Vermeulen G., De Bondt W., Van Damme Y. EU cross-border gathering and use of evidence in criminal matters. Towards mutual recognition of investigative measures and free movement of evidence? Maklu, 2010. URL: <http://www.ejtn.eu/PageFiles/6335/evidence%20study.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).

Assessment of the admissibility of evidence obtained in the framework of international cooperation

Dina V. Kruglova

Head of the Inquiry Department,
Nizhny Novgorod Linear Directorate for Transport
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603002, 7, Lunacharsky st., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: kruglova.dv@yandex.ru

Abstract

The article deals with the question of the admissibility of evidence that was obtained as a result of investigative actions on the territory of foreign States in the framework of a request for legal assistance. The assessment of each specific evidence on the grounds of admissibility or impermissibility is decided separately in each case. Separately, it should be noted that the established practice in the domestic process of evaluating evidence for its admissibility in a certain aspect does not correspond to the balance or parity of the parties to the defense and the prosecution, detracting from the possibility of implementing adversarial proceedings. The ICC must be an impartial body of international justice, ensuring the right to a defence does not conflict with the interests of the members of this court, since they (neither due to any psychological background, nor due to the tradition of domestic law enforcement) do not incline to the side of the prosecution, therefore, this provision is something more than a simple declarative norm that exists to imitate the democratic process.

Для цитирования в научных исследованиях

Kruglova D.V. (2020) Otsenka dopustimosti dokazatel'stv, poluchennykh v ramkakh mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Assessment of the admissibility of evidence obtained in the framework of international cooperation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (6A), pp. 158-166. DOI: 10.34670/AR.2020.90.71.053

Keywords

Criminal procedure, proof, evaluation of evidence, admissibility of evidence.

References

1. Treaty on the functioning of the European Union (Rome, 25 March 1957) (as amended by the Lisbon Treaty of 2007) (2016/C 202/01). Consolidated version. Part three. Policy and internal activities of the European Union. URL: <https://base.garant.ru/71715364/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/> (date of request: 10.06.2020).
2. The European Convention on human rights, as amended by the provisions of Protocol No. 14 (sdsr No. 194), Protocol No. 3 (STE No. 45), Protocol No. 5 (STE No. 55) and Protocol No. 8 (STE No. 118). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (date of request: 10.06.2020).
3. Karyakin E. A. Asymmetry of rules on the admissibility of evidence in criminal proceedings as a form of implementation of the provision on favoring the defense // *The Russian justice*. 2017. N 9. P. 33-36.
4. Lazutin L. A. the Rome Statute of the International criminal court and the Constitution of the Russian Federation: facets of inconsistency // *Electronic Appendix to the "Russian legal journal"*. 2018. N 6. P. 5-10.
5. On the intention of the Russian Federation not to become a party to the Rome Statute of the International criminal court: decree of the President of the Russian Federation. Federation from 16.11.2016 № 361-RP // *Collection of legislation of*

- the Russian Federation. 2016. № 47. Article 6630.
6. Rome Statute of the International criminal court of 17 July 1998, as amended by the protocols of 10 November 1998, 12 July 1999, 30 November 1999, 8 may 2000, 17 January 2001 and 16 January 2002. The Statute entered into force on 1 July 2002. URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (date of request: 10.06.2020).
 7. Savitsky V. M. Recent changes in the criminal procedure code: continuation of the democratization of judicial proceedings (introductory article to the criminal procedure code of the RSFSR) II of the criminal code of the RSFSR, criminal procedure code of the RSFSR. Moscow, 1994.
 8. Stetsovsky Yu. I., Larina a.m. the constitutional principle of ensuring the accused's right to defense. Moscow: Legal literature, 1988.
 9. Trubnikova T.V. Problems of proof in a fair trial and their reflection in the legal positions of the ECHR: challenges for the Russian science of criminal procedure and law enforcement practice // Criminal justice. 2016. №1 (7). P. 135-147.
 10. Depauw S. A European Evidence (Air)Space? Taking Cross-Border Legal Admissibility of Forensic Evidence to a Higher Level. *EuCLR* Vol. 6, 1/2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/301798545_A_European_Evidence_AirSpace_Taking_Cross-Border_Legal_Admissibility_of_Forensic_Evidence_to_a_Higher_Level (date of request: 10.06.2020).
 11. Russia withdraws signature from international criminal court statute. *The Guardian*. 16 Nov 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/16/russia-withdraws-signature-from-international-criminal-court-statute> (date of request: 11.06.2020).
 12. Spencer J.R. The concept of “European evidence”. *ERA Forum* 4. 2003. 29–38. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12027-003-0005-2> (date of request: 10.06.2020).
 13. Vermeulen G., De Bondt W., Van Damme Y. EU cross-border gathering and use of evidence in criminal matters. Towards mutual recognition of investigative measures and free movement of evidence? *Maklu*, 2010. URL: <http://www.ejtn.eu/PageFiles/6335/evidence%20study.pdf> (date of request: 10.06.2020).